

которую они считали матерью родимой, а увидели мачехой противной, и любовь к матери обернулась отвращением к мачехе — набеленной, нарумяненной, жеманной, завистливой, злой. «Душа словно вывихнутая кость... Здесь все пусто, все заросло крапивой, полынью и репейником», — записывает она в это самое время в своем путевом дневнике¹⁸.

¹⁸ Цит. по: С. Н. Кайдаш. Сила слабых. С. 194.

Она находит проникновенные слова о божественном промысле. «Как же не благодарить Бога за то, что Он, зная природу каждого из нас, все в жизни каждого уравнивает, чтобы все поучало и умудряло ответом. От нас зависит всем пользоваться и собирать нравственное неотъемлемое людьми сокровище», пишет она Достоевскому¹⁹. Сердечный тон, естественность, глубокая откровенность, взволнованность корреспондентки вызывают у Достоевского ответное желание — открыть ей свои сокровенные мысли. Письма Достоевского и Фонвизиной — это проникновенные размышления духовно близких людей о смысле человеческого бытия, о вере и истине, об очищении души через страдание, о нравственной силе, способной одолеть жизненные испытания и просветлить душу.

¹⁹ Цит. по: М. М. Громько. Сибирские друзья и знакомые Ф. М. Достоевского. С. 74.

«Я слышал от многих, что Вы очень религиозны, Наталья Дмитриевна», — пишет ей Достоевский. Кто эти «многие» и что он мог слышать о ней от них? Конечно, в Тобольске: о ней говорили все, с кем он находился в остроге; и потом в Омске, в разговоре с С. Ф. Дуровым, которого Фонвизина объявила своим племянником и получила, таким образом, право регулярно писать ему письма и передавать посылки с провизией и теплой одеждой. Дуров до конца своих дней оставался в тесной дружбе с «родной тетенькой» (они оба умерли в 1869 году), посылал ей свои стихи. «Она была женщина в высшей степени религиозная и умная, — вспоминала М. Д. Францева, дочь тобольского прокурора. — На меня, как на девочку с пылким воображением и восприимчивой натурой, Наталья Дмитриевна имела громадное нравственное влияние. Она была замечательно умна, образованна, необыкновенно красноречива и в высшей степени духовно-религиозно развита. В ней так много было увлекательного, особенно когда она говорила, что перед ней невольно преклонялись все, кто только слушал ее. <...> Высокая религиозность ее проявлялась не в одних внешних формах обрядового исполнения, но и в глубоком развитии видения духовного; она в полном смысле слова жила внутренней духовной жизнью. С ней редко кто мог выдержать какой-нибудь спор, духовный ли, философский или политический»²⁰.

²⁰ Из воспоминаний Марии Францевой. — «Декабристы в воспоминаниях современников». М., 1988. С. 382—402.

Достоевский многое знает о ней. Он мог слышать волнующую историю ее молодости, когда, под влиянием страстных религиозных исканий, в жажде страдания, с пылкими мечтами о мученичестве, она носила под платьем вериги, спала на голом полу, голодала, испытывала себя огнем и железом, ночи проводила в молитве, а потом бежала из родительского дома в мужском платье, чтобы постричься в монахини. И как родители, уже после пострига дочери, упростили ее выйти замуж за немолодого двоюродного дядю, страстно привя-